

О. Е. Петрунина

ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В XVIII–XX вв.

Очерки политического развития

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом

Москва

2010

УДК [39(=14)+94(495).07]"17/19"(035.3)
ББК 63.521(=453)+63.3(4Гре)6
ПЗ1

*Для оформления обложки использована репродукция
картины итальянского художника Л. Липарини
«Митрополит Старых Патр Герман поднимает знамя революции 1821 года»*

Петрунина О. Е.

ПЗ1 Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития : [монография] = Greek Nation and State (18–20 c.): studies in political history / О. Е. Петрунина. — М. : КДУ, 2010. — 744 с. : табл., ил.

ISBN 978-5-98227-670-4

Книга представляет собой наиболее полное на сегодняшний день русскоязычное исследование политической истории греческого народа в новое и новейшее время. Основное внимание уделено ключевым процессам, явлениям и событиям, определившим облик греческой нации в этот период: развитию национального самосознания, основным этапам и направлениям государственного строительства, эволюции социальных и политических институтов и др. Исследование носит междисциплинарный характер. Использование методов и моделей политологии, истории, филологии и других смежных наук дает возможность автору по-новому взглянуть на становление греческой национальной идентичности и государственности в XVIII–XX вв.

Книга адресована историкам, политологам, культурологам, специалистам в области государственного управления, межэтнических и социальных отношений, а также может быть использована в качестве учебного пособия по новогреческой истории, истории культуры, истории государственного управления, при изучении политологических дисциплин.

УДК [39(=14)+94(495).07]"17/19"(035.3)
ББК 63.521(=453)+63.3(4Гре)6

ISBN 978-5-98227-670-4

© Петрунина О. Е., 2010
© Оформление, макет.
Издательство «КДУ», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

«Сыны Эллады» (вместо предисловия)	7
Введение	11
Часть I. От османской провинции к суверенному государству	19
Греки под властью Османов.....	20
Эпоха завоеваний	20
В новом государстве	35
Увядание империи и новый расцвет греков	50
Под властью Венеции	65
Между львом и полумесяцем	65
В Республике Св. Марка	79
Республика Семи Соединенных Островов	95
Церковь, образование, Просвещение	100
Церковь после Византии: традиции и новации	100
От книжности к Просвещению	119
Революция 1821 года.....	147
На пути к восстанию.....	147
Революция или война за независимость?.....	155
Гражданские войны.....	180
Первый президент	193
Ex ungue leonem	203
С новорожденным!	217
Часть II. Первое десятилетие независимости	223
Баварское правление.....	224
Первые шаги: регентство и протопартии	224
«Русская партия» и национальные интересы	256
Церковь и политика	269
Пророчества о грядущем возрождении Византии.....	294
Революция 1843 года.....	303
Новые искушения: Восточный кризис 1839 г. и борьба партий.....	303
«Великая идея» и эпоха романтизма	323
Революция или переворот?	334
Национальный вопрос и конституционные преобразования.....	350
Итоги первого десятилетия.....	367
Часть III. Маленькое королевство и «Великая идея»	371
Новые приобретения.....	372
Между двумя революциями.....	372
Новая монархия	387
... и новые территории.....	404
На рубеже веков.....	423
Мечты сбываются	433
Борьба за Македонию и Крит	433
Духовный климат эпохи.....	450

Звезда Венизелоса.....	469
Национальный вопрос на Афоне	480
У врат Царьграда.....	493
Катастрофа	505
Причины трагедии	516
Часть IV. После катастрофы	519
Время диктаторов	520
В поисках нового пути	520
«Третья греческая цивилизация»	527
Дорогами войны	542
«Государство философов»	558
Демократия в Греции	575
После диктатуры.....	575
Политические программы 1990-х.....	592
В окружении «великих идей»	603
Греческая мечта в конце XX в.	623
«Великая идея» в символах.....	623
Школьная история	637
Церковь и неоязычество.....	643
Ромейство — Романия — Романидис	655
Воскрешение «Великой идеи»	675
Заключение.....	678
Библиография	684
Архивные хранилища	684
Опубликованные документы, переписка.....	684
Периодика	685
Дневники, воспоминания.....	686
Сочинения современников, публицистика, пророчества, описания путешественников	687
Литература	692
Справочная литература	692
Исследования.....	692
Приложения	717
Приложение 1. Первые историки революции 1821 года.....	717
Приложение 2. Выдержка из протокола 41-го заседания Учредительного Собрания 14 января 1844 г. с речью И. Колеттиса.....	724
Приложение 3. Конституционная резолюция о гетерохтонах 1844 года.....	727
Приложение 4. И. Э. Персиани: 50 лет на службе России.....	728
Приложение 5. Национальный символ веры М. Херетиса	735
Приложение 6. Моделирование политической карты Греции в 1990-е годы с помощью статистических методов	736
Summary	739
Contents	742

«СЫНЫ ЭЛЛАДЫ»

(вместо предисловия)

С тех времен, когда древние русичи впервые вступили в контакт с соседними народами, греки занимали в их представлениях о мире особое место. Само слово «грек» было заимствовано у римлян, использовавших это название одного из древнегреческих племен для обозначения всего греческого народа. Когда славяне впервые столкнулись с греками, сами они в глазах последних были всего лишь варварами. Неграмотные и язычники, они не имели тогда большого значения для образованных греков-христиан. Несмотря на это, греки заключали соглашения с русскими князьями (911, 944). В те же годы в Киеве уже существовала небольшая греческая община. К грекам относились доброжелательно и позволили им построить в Киеве христианскую церковь еще до того, как Русь официально приняла христианство. В 988 г. князь Владимир с помощью греческих священников крестил в Днепре своих подданных. Вскоре после христианизации политической элиты на Русь прибыло еще больше греков — священников, архитекторов, иконописцев, приобщивших русских к богатейшей греческой культуре. Они привезли с собой шедевры церковной и светской литературы, научили русских иконописи и церковному пению... С тех пор мы считаем греков своими учителями. Наши предки, будучи способными учениками, легко усвоили греческую культуру и сделали ее своей собственной. Греческих святых — Иоанна Златоуста, Василия Великого — они сделали также и русскими святыми, а героев греческого народа — Александра Великого и Дигениса Акрита — своими героями. «Быть греком» тогда означало «быть образованным», а, кроме того, «изобретательным» (как Одиссей) и «хитрым». «Хитрость», по мнению русских, характеризовала сложную византийскую государственную машину. Греция же, по представлениям наших предков, располагалась где-то на Балканах и в Малой Азии — вокруг Царьграда, считавшегося центром великой христианской империи.

В нашей стране всегда отличали греков среди других народов. В мрачную эпоху монгольского ига, когда торговые и культурные связи Руси с христианским миром были затруднены, русские не забыли своего духовного и культурного родства с греками. Все неславянские народы они тогда делили на две категории: живущие к западу от Руси назывались немцами, т. е. немцами (напр., аглицкие немцы), а живущие к востоку — татарами (напр., сибирские или даже опоньские, т. е. японские, татары). Греки же стояли особняком и сохранили свое старое название. В XIV в. Русь обрела новый политический центр в лице Москвы. Туда был перенесен и центр греческой общины. В Москве мы находим греческих купцов, иконописцев, монахов. Москва поддерживала тесные связи с Константинополем: греками были многие московские митрополиты, русская интеллектуальная элита знала греческий язык, делались переводы на русский греческих книг. Русские монахи отправлялись в византийские монастыри, чтобы совершенствоваться в духовной жизни, в свою очередь греческие иерархи путешествовали по Руси, собирая пожертвования.

В XV в. положение стало меняться. Московское государство становилось все более сильным, тогда как византийское близилось к закату. После падения Константинополя в Москве нашли пристанище многие беженцы, московский князь Иван III женился на племяннице последнего византийского императора принцессе Софии и сделал

двуглавого орла российским государственным гербом. Таким образом Россия продемонстрировала Европе, что именно она является наследницей Византии. Действительно, в тот момент Россия осталась единственным независимым православным государством, поскольку остальные были захвачены турками. Для идеологической поддержки сложившейся ситуации была выработана теория «Москва — Третий Рим». Третий Рим считался столицей Святой Руси, в то же время понятие «христиане» переходит с греков на русских: к нему, как известно, восходит и слово «крестьяне».

Тем не менее, в народных представлениях столицей Святой Руси была вовсе не Москва, а Константинополь — Царьград, а в народных сказках существует некое «лукоморье» — центр мира, где находится страна всеобщего благоденствия. Как считает современный философ Ю. Ю. Петрунин, это лукоморье есть не что иное, как залив Золотой Рог в Константинополе¹. Стоит отметить и желание русских перенести к себе на родину и саму Грецию: во Владивостоке есть залив Золотой Рог, в Абхазии есть гора Афон, у подножия которой в 1875 г. был основан монастырь Новый Афон. Многие города юга России имеют греческие названия: Ставрополь, Симферополь, Севастополь, Одесса. В Москве раньше тек ручей Золотой Рожок. Традиция возводит его название к московскому митрополиту Алексию, которого во время путешествия в Константинополь (1355) застала сильная буря. Но как только корабль вошел в Золотой Рог, море успокоилось. В честь этого события и был назван московский ручей².

В начале XIX в. в Европе зародилось движение филэллинов как результат деятельности просветителей и роста интереса европейцев к древнегреческой культуре. Это движение достигло апогея в годы греческой революции 1821 г. Активное участие в нем приняло и русское образованное общество. Филэллины восхищались героизмом восставших греков и оказывали им практическую помощь, поскольку думали, что освобождение Греции сможет возродить классическую греческую культуру. Пафос русских филэллинов прекрасно выражен в стихотворении В. Кюхельбекера:

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!

Но русская публика не всегда понимала, что же именно происходит в Греции, которая считалась одной из провинций Османской империи. Некоторые не видели большой разницы между турками и греками. Один из персонажей грибоедовского «Горя от ума» спрашивает о ком-то: «А этот, как его... Он турок или грек?». Образованная элита пыталась привить обществу свои представления о событиях в Греции. С этой целью лучшие и популярнейшие журналы («Сын Отечества», «Вестник Европы») регулярно освещали события в восставшей Греции, издавались записки участников греческой революции — полковника Вутье (1824), Шарля Деваля (1828). Н. Гнедич перевел на русский язык не только «Илиаду», но и «Военный гимн» Ригаса Велестинлиса и народные песни новых греков. В 1828 г. после начала русско-турецкой войны в Москве было издано пророчество о грядущем падении Османской империи. Крупнейшие русские поэты прославляли борьбу греков за независимость. Об освобождении Греции А. С. Пушкин писал:

¹ См.: Петрунин Ю. Ю. Где стоит «дуб зеленый»? // Наука и религия. 1994. № 2. С. 56–59.

² См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. М., 1992. С. 115.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Русское правительство в то время не могло помочь греческим повстанцам, боясь навредить своим геополитическим интересам. Однако оно поддержало развернувшееся в стране широкое движение филэллинов. Особенно восторженно известие о восстании греков восприняли декабристы:

...Душа героев вылетает
Из позабытых их гробов,
И наполняет бардов струны,
И на тиранов шлет народные перуны!

(В. Кюхельбекер)

Почти 10 лет спустя об этом писал Пушкин:
Тряслися грозно Пиренеи,
Вулкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал.

Передовая Россия с удовлетворением восприняла весть об освобождении Греции. Кроме Древней Греции и ее героев теперь популярным стало все, что имело отношение к освободительной борьбе греков. Достаточно вспомнить греческие, точнее грекообразные, имена детей Манилова и тот факт, что у Собакевича дома висели гравированные во весь рост портреты героев 1821 г.: Маврокордатоса, Мьяулиса, Канариса и Бубулины. В этих портретах нашли свое отражение представления о греках тогдашнего русского общества: греческие герои были «с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу». Сама же Греция считалась идиллической страной всеобщего благоденствия.

Благодаря своей экзотичности образ грека надолго закрепился на русских театральных подмостках. Достаточно вспомнить нежинского грека Фемистокла Мильтиадовича Разорваки из прутковской «Фантазии» или грека-кондитера Харлампия Спиридоновича Дымбу из чеховской «Свадьбы». Окружающие смотрят на него с любопытством как на представителя чудесной страны, в которой «всё есть»: тигры, львы, омары, рыжики и даже коллежские регистраторы.

Представления русских о греках определялись не только известиями о борьбе и освобождении Греции, но и общением с греками, обосновавшимися в России. В качестве примера можно взять греческую общину Одессы. Как утверждает греческий историк К. Папулидис, представление о том, что Одесса — греческий город, является мифом, поскольку греки всегда составляли в ней лишь незначительное меньшинство населения¹. Но русские характеризуют Одессу как именно греческий город: одна современная песня помещает грека в Одессу, так же как еврея в Варшаву. Три грека-контрабандиста из Одессы — персонажи стихотворения Э. Багрицкого (1927). Имидж греческого города Одесса приобрела благодаря деятельности живших в ней греческих купцов-хлеботорговцев. За свое богатство они даже получили прозвище «хлебных королей». Их благотворительная деятельность выдвинула

¹ См.: Папулидис К. Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX–XX вв. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 190–192.

греческую культуру на одно из ведущих мест в городе. Еще одного грека-одессита мы находим в популярнейшем советском фильме «Свадьба в Малиновке» (1967, реж. А. Тютышкин). Любимец зрителей Папандопуло, жуликоватый и жизнерадостный член анархистской банды, он ввел в разговорную речь немало идиоматических выражений, а также нетрадиционный способ «справедливого» дележа. Грек — главный герой и фильма «Катала» (1989, реж. С. Бодров). Это профессиональный карточный шулер, но с чистой и благородной душой. Поэтому, несмотря на всю свою хитрость в картах, он проигрывает игру жизни, будучи обманутым настоящими мошенниками, среди которых оказалась и любимая им женщина.

Народное сознание создало свои представления о живущих в России греках. Эти представления отражены в народных пословицах и поговорках. Одна из них ранжирует народы в соответствии с уровнем хитрости: греки занимают в этой иерархии второе место между евреями и армянами. Другая поговорка гласит: «Грек скажет правду раз в году». С этой точки зрения грека превосходит только цыган, который «скажет правду раз в жизни, да и то раскается». Еще одна пословица говорит о бережливости греков: «Грек одну маслинку съест — и то пальчики оближет».

Грек неслучайно стал и героем известной считалки «Ехал грека через реку». Народное сознание в качестве ее героя из всех соседних народов выбрало именно грека — тип экзотический и одновременно хорошо знакомый русскому человеку. Скрытые смыслы этой считалки блестяще раскрывают современные поэты-пародисты и музыканты: О. Новиков («Ехал грека через реку»), А. и В. Богомолы («Грецкие истории»), М. Щербаков («Грек и рак»). Вариация на эту тему есть и у В. Высоцкого («По речке жизни плавал честный грека»).

После распада СССР многие греки уехали из России на свою историческую родину, но в то же время и русские получили возможность посетить Грецию и глубже познакомиться с ее народом и культурой. Но если о древних греках и византийцах написано много книг, а их историю изучают в школе, то современная Греция остается малознакомой в современной России. Данная книга попытается отчасти восполнить этот пробел.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная свою очередную работу по национальной проблематике, один из крупных современных исследователей этого феномена обратил внимание на то, что среди современных наций есть такие, которые по ряду характеристик, в частности, времени своего появления, существенно отличаются от остальных европейских наций и самим фактом своего существования как бы мешают исследователям выработать единый подход к трактовке этого непростого явления. Одной из таких наций были названы греки. Само это обстоятельство пробуждает интерес к вопросу о том, что представляет собой греческая нация, с одной стороны, и как она сама себя понимает — с другой. Другое интригующее обстоятельство заключается в том, как национальное греческое государство — детище Нового времени — построило отношения со своей нацией и как оно вписалось в сообщество европейских национальных государств.

Прежде чем обозначить подходы к собственно греческой проблематике, надо сказать несколько слов о том, что современная наука понимает под нацией и в каком состоянии находятся научные разработки в этой области. Несмотря на то, что вопросы, связанные с развитием и взаимодействием этносов, их участием в политике, и вообще все этническое и национальное представляют собой остроактуальную тему для изучения едва ли не во всех гуманитарных науках, лежащее, казалось бы, на поверхности понятие нации остается парадоксальным образом неопределенным. Как справедливо отмечал Б. Андерсон еще в то время, когда в этой области только начинался исследовательский бум, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать»¹.

В современном смысле (вернее, смыслах) понятие нации появилось в Европе в XVII–XVIII вв. и приобрело политическую значимость во время Великой французской революции. Ее идеологи определяли нацию как сообщество граждан и декларируют суверенность нации именно в гражданском смысле. Романтическая эпоха принесла с собой новое понимание нации и вложила в него этнокультурный смысл. Оба понимания нации благополучно сосуществуют и по сей день: например, в англоязычных странах нация является синонимом государства, а современные украинцы идентифицируют свою нацию, исходя, прежде всего, из этнических характеристик. В нашей стране в понятие нации долгое время вкладывался именно такой смысл.

Отечественные теоретические разработки в области этнологии были обобщены в ставшем хрестоматийным определении этноса, данном Ю. В. Бромлеем, понимавшим этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общим языком и культурой, а также самосознанием, зафиксированным в этнониме. Советское обществознание типологизировало этносы, руководствуясь стадийно-историческим принципом: процесс этногенеза представлялся в виде трех стадий — племени, народности и нации, — причем только последняя наделялась необходимыми для формирования собственного

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 28.

государства качествами. В середине 1980-х гг. эта схема была поставлена под вопрос¹, а в начавшейся чуть позже дискуссии о содержании понятия «нация» прозвучало предложение изменить смысл термина с этнического на гражданский². Некоторые авторы стали рассматривать нацию не просто как наднациональную общность, а как своего рода суперэтнос (в духе Л. Гумилева), который может объединять в себе разные этносы на гражданской основе³. Однако в результате дискуссии не было выработано единого подхода к пониманию нации: наряду с гражданским толкованием среди обществоведов и политиков осталось распространенным также и этнокультурное понимание нации⁴.

При интерпретации нации в гражданском смысле — как нации-государства — неизбежно возникает необходимость во введении некоего понятия, отражающего этническую составляющую феномена. Терминологическая лакуна была заполнена заимствованным из англоязычной литературы⁵ понятием этничности. Но данное новшество не только не прояснило ситуацию, но и внесло еще большую путаницу в терминологию. Оказалось, что дефиниций этничности едва ли не столько же, сколько исследователей и журналистов высказывались по национальному вопросу: одни трактуют этничность как форму социальной организации культурных различий⁶, другие — как синоним национального самосознания⁷, третьи — как «особую характеристику субъективности, состоящую в ощущении, переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей»⁸, четвертые полагают, что этничность представляет собой исключительно мыслительный конструкт, лишенный какого-либо объективного наполнения⁹. Анализируя различные точки зрения, С. В. Лурье выделяет целых пять групп проблем, связанных с интерпретацией этничности¹⁰.

Концепция этноса Ю. В. Бромлея является классическим примером примордиализма (объективизма) — одного из трех наиболее распространенных в настоящее время подходов к изучению этногенетических и вообще этнических процессов.

¹ См.: Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3.

² См. напр.: Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1; Чешко С. В. Национальное государство или демократическое общество // Вестник АН СССР. 1990. № 1.

³ См.: Драгунский Д. В. Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения) // Полис. 1995. № 5. С. 34–47.

⁴ См. напр.: Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996.

⁵ В американской и вообще англоязычной политической науке и смежных с ней дисциплинах термин «этничность» достаточно активно используется по крайней мере с конца 1960-х гг. См., напр.: Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. L., 1991; Bell W., Freeman W. (eds.). Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International and Historical Perspectives. L., 1974; Ranum O. (ed.). National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe. L., 1975 etc.

⁶ См.: Садохин А. П. Этнология. М., 2000. С. 79.

⁷ См.: Драгунский Д. В. Навязанная этничность // Полис. 1993. № 5. С. 24–30.

⁸ См.: Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С. 59.

⁹ См.: Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 38.

¹⁰ См.: Лурье С. В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 106.

Примордиализм считает этнос реально существующей общностью людей, образованной в результате воздействия исторических, географических, экономических, культурных и пр. факторов. Зародившийся из отрицания примордиализма конструктивизм поставил под сомнение именно этот принцип: «Нация рождается тогда, когда небольшая группа людей решает, что ей надлежит быть»¹.

С точки зрения конструктивизма этническая общность — не объективная реальность, а социальная конструкция, искусственное образование с ярко выраженной политической окраской. Неслучайно конструктивистская концепция возникла как политологическая и уже потом была заимствована этнологами, социологами и историками. Функция национального конструирования атрибутируется интеллектуальной и культурной, а затем и политической элитами. Конструироваться может не только, а порой и не столько сама нация, сколько ее культура и традиции. Речь идет, в первую очередь, о тех традициях и элементах культуры, которые обозначают социальную и национальную общность, легитимируют социальные институты, социализируют национально значимые нормы и ценности. Иногда такие традиции и элементы культуры не нуждаются в конструировании: они уже существуют, достаточно их просто законсервировать².

Справедливости ради отметим, что не все конструктивисты считают нацию исключительно продуктом деятельности интеллигенции и политической элиты: например, в противовес Э. Геллнеру, утверждающему, что национализм «изобретает нации там, где их нет»³, М. Грох полагает безусловно необходимым для такого конструирования наличие неких объективных оснований. Он описывает определенное множество таких оснований, из которых большинство носят вариативный характер, а три позиции релевантны: это общая историческая память, совокупность языково-культурных связей и сознание гражданского равенства всех членов группы⁴.

Своего апогея конструктивизм достиг в концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона⁵, определившего нацию как «воображенное политическое сообщество»⁶. Само по себе это определение звучит довольно заманчиво: поскольку вопрос «Что такое нация?» равносителен задаче поиска философского камня или изобретения вечного двигателя, то почему бы не предположить, что нация — такой же миф, как вечный двигатель или философский камень? Однако оптимистично настроенного исследователя быстро постигает разочарование: здоровое зерно концепции Андерсона уничтожается доведенным до абсурда конструктивизмом: «На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень... (а, может быть, даже и они), — воображаемые»⁷.

¹ Ignotus P. Hungary. N. Y.; Washington, 1972. P. 44.

² См.: Hobsbaum E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. P. 9.

³ Gellner E. Thought and Change. L., 1964. P. 169.

⁴ См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 128–129.

⁵ Один из первых в нашей стране анализов этой концепции см.: Коротеева В. В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблемы объяснения // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30.

⁷ Там же. С. 31.

Наконец, инструменталистская трактовка нации, также появившаяся на свет в политической науке, рассматривает этнические характеристики как инструмент, используемый политическими лидерами в борьбе за свои интересы. Одно из важнейших достижений конструктивистского и инструменталистского подходов состоит в том, что они уделяют большое внимание изучению вклада идеологий в этнические и этнокультурные процессы.

На наш взгляд, оптимальным подходом к изучению феномена нации является умеренный конструктивизм, выраженный позицией М. Гроха, которая, по сути, синтезирует в себе и собственно конструктивистские, и примордиалистские посылки. Убедительность этой позиции подтверждается результатами исследований в области истории национального сознания, которые показывают, что оно начало складываться значительно ранее появления самого понятия «нация»: например, А. С. Мыльников датирует зарождение этногенетической мифологемы о Грамоте Александра Македонского, удостоверяющей древность славянской общности и легитимирующей существование славянской государственности и границы ее территорий, серединой XIV в.¹

* * *

Итак, объектом исследования данной книги станут взаимосвязи между национальным и государственным у греков в XVIII–XX вв., т. е. в ту эпоху, когда происходит складывание греческой нации современного типа и греческого национального государства.

В течение многих лет работы над этой книгой нами был собран обширный материал, который ставит перед исследователем несколько групп задач. Они легко систематизируются по хронологическому принципу, в связи с чем оказался удобен проблемно-хронологический принцип изложения.

Первая группа исследовательских задач охватывает XVIII–первые десятилетия XIX в. Поскольку к концу 1820-х гг. часть греков освобождается от власти турецкого султана и создает собственное независимое государство, то представляется чрезвычайно важным выяснить, как шла идейная подготовка этих событий, в каких условиях она проходила. В частности, нас будут интересовать несколько вопросов.

- Происходили ли в этот период какие-либо изменения в политическом сознании греков, в особенности наиболее образованной их части, и если да, то какие?
- Какова была позиция Церкви и имели ли место изменения в религиозном сознании?
- Можно ли говорить о появлении нового дискурса и складывании новой культурной парадигмы в этот период?
- Каким образом греческая интеллектуальная и политическая элита представляла себе свое будущее государство: в виде возрожденной Византийской империи или национального государства западноевропейского образца?
- Каковы были взаимосвязи между новым дискурсом и общественно-политической жизнью?

¹ Подробную аргументацию см.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 2000. С. 45–94.

Вторая группа исследовательских задач касается первого десятилетия самостоятельного существования греческого государства. Она включает в себя следующие вопросы.

- Какие силы определяли политическое развитие греческого государства в это время?
- Каким образом на основе нового дискурса формировалась государственная идеология молодого Греческого королевства?
- В каких событиях нашел свое выражение этот процесс?
- Каково было влияние на него международной обстановки и иностранных государств?
- Что представляла собой в этот период греческая политическая система?

В поисках ответов на поставленные выше вопросы мы отчасти охватываем еще один срез греческой истории — сферу греко-российских отношений и влияния российской политики на происходившие в Греции процессы.

Постановка следующей группы задач является следствием изучения общественно-политических процессов и явлений у греков с середины XIX в. до 1920-х гг. Это время активной борьбы греческого государства прежде всего за территориальное расширение. В связи с этим представляется интересным и полезным изучение следующих проблем.

- Как создавалась внешнеполитическая доктрина греческого государства и в чем заключалась ее сущность?
- Оставалась ли она неизменной на протяжении этого периода?
- Какое развитие получили этнополитические процессы, начавшиеся в предшествующее время (в том числе у греков Османской империи)?
- Как греческое национальное государство реагировало на вызовы времени (модернизация, Первая мировая война)?
- Каковы были причины и первые последствия поражения внешнеполитической доктрины, в основе которой лежала национальная идеология?

Наконец, последняя группа исследуемых проблем охватывает период с середины 1920-х гг. до конца XX в., т. е. время, когда греки должны были приспособиться к существованию в новой геополитической ситуации, сложившейся после крушения надежд на дальнейший территориальный рост. Существование греческой нации и государства в новых условиях определяет и новый круг вопросов, ответы на которые мы искали.

- Каковы были долговременные последствия катастрофы начала 1920-х гг. для греческой нации и государства?
- Привела ли катастрофа к пересмотру внешнеполитической доктрины и государственной идеологии?
- Как греческая национальная идеология взаимодействовала с диктаторскими режимами?
- Существует ли национальная идеология в Греческой республике и если да, то в каких формах, и как она соотносится с государственной идеологией?

Изучение взаимосвязей между национальным и государственным на греческом материале ставит перед исследователем и ряд более общих вопросов, до сего дня не получивших однозначных ответов.

- Что первично — появление национальной идеологии или образование национального государства?

- Насколько широки мобилизационные возможности Православия и Церкви в национально-государственном строительстве?
- Каков конструктивный и деструктивный потенциал национальных идеологий в современном обществе?
- Как нация и государство уживаются в современных условиях?

Надо сразу оговориться, что, хотя в настоящее время существует два греческих государства — Греческая республика и Республика Кипр, преимущественное внимание будет уделено первой, поскольку, как читатель убедится в дальнейшем, именно Греция с самого начала своего существования в значительной степени определяла развитие всего греческого мира. Не будет забыта и Османская империя, под властью которой греки прожили несколько столетий. Данная книга, несмотря на довольно широкие хронологические рамки, не претендует на полное и систематическое изложение греческой истории в этот период. Нас интересуют, прежде всего, события и явления, связанные с обозначенной выше проблематикой, с точки зрения которой они и будут рассматриваться.

Для достижения поставленных целей мы будем использовать самый широкий набор источников, приемов и методов исследования. Среди источников важное место занимают дипломатические документы, как опубликованные, так и хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Значительная их часть прежде была незнакома исследователям. Нами был изучен масштабный пласт других нарративных источников: сочинения философов, историков, государственных и политических деятелей, мемуары, частная переписка. Для изучения определенных периодов привлекались материалы прессы, статистические данные (в некоторых случаях собранные автором), партийные и политические документы, материалы деятельности общественных организаций. Свою службу сослужили и другие типы источников: печати, архитектурные памятники, народное творчество. В качестве объекта анализа рассматривались также изменения в греческом языке, некоторые научные и идеологические конструкции.

Для анализа этого материала использовались как ставшие традиционными, так и новые методы и приемы. В частности, изучение становления идеологии молодого греческого государства проводилось с использованием анализа печатей органов государственной власти в синхронном и диахроническом срезам. Исследование становления нового дискурса в среде греческих интеллектуалов в XVIII–начале XIX в. велось в значительной степени на лингвистическом материале, в более поздний период — с использованием результатов изучения политической символики. Полученные в ходе работы результаты базируются на анализе как уже известных источников, так и впервые обнаруженных и изученных нами, а также опираются на результаты, полученные другими авторитетными учеными.

Необходимо подчеркнуть, что использование столь широкого спектра приемов и методов исследования свидетельствует о комплексном и разностороннем подходе автора к изучаемому объекту, но отнюдь не является признаком следования порожденной философией постмодерна плюралистической методологии, отрицающей единство исторического процесса. Принцип историзма и единства истории во всем ее многообразии стал краеугольным камнем этой книги.

Поиском ответов на поставленные в этой книге вопросы автор занимается уже в течение многих лет. Плодом этой работы стали публикации, посвященные отдельным

хронологическим отрезкам или проблемам¹. Данная книга сводит воедино отдельные выводы и представляет концепцию автора в целом.

¹ К их числу можно отнести следующие: Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997; «Восстань, о Греция, восстань!»: рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998; Политическая система современной Греции. М., 1999; Константин Икономос и его литературная деятельность в Одессе и С.-Петербурге в 1821–1832 гг. // Україна — Греція: історія та сучасність. Тези II міжнародної наукової конференції. 22–24 лютого 1995 р. Київ, 1995; Ο Ρώσος ἐπίσκοπος Πορφύριος στα Μετέωρα το Πάσχα του 1859 // Η Δράσις μας. τεύχ. 337. Απρίλιος 1996; Η βαβαρακρατία και η Εκκλησία της Ελλάδος // Η Δράσις μας. τεύχ. 338. Μάιος 1996; Греческая революция 1821 года в представлениях ее участников: к исследованию национального самосознания // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 2; «Русская партия» и развитие национальной идеологии в Греции (Пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 году) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 6; Греческий писатель Н. Василиадис о перспективах советского строя // Российская государственность: тысячелетний опыт. М., 1999; Патристическое воспитание в христианских братствах Греции // Украина — Греция: историческое наследие и перспективы сотрудничества. Мариуполь, 1999; Филортодоксальный заговор 1839 г. в Греции // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М., 2000; К вопросу об эволюции политической системы Греции // Российская государственность на грани тысячелетий. М., 2000 (в соавторстве с Ю. Ю. Петруниным); «Οι υιοί της Ελλάδος»: οι δοξασίες των Ρώσων για τους Έλληνες και την Ελλάδα. 'Α // Η Δράσις μας. Τεύχ. 394. Δεκέμβριος 2001; «Οι υιοί της Ελλάδος»: οι δοξασίες των Ρώσων για τους Έλληνες και την Ελλάδα. 'Β // Η Δράσις μας. Τεύχ. 395. Ιανουάριος 2002; «Великая идея» в греческой национально-политической символике // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002; Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002, № 1; «Великая идея» в Греции как политическая программа // Полития. № 4. Зима 2002–2003; Православная церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVII–XIX века) // Религии мира: история и современность. 2003. М., 2003; Моделирование политической карты Греции с помощью статистических методов // Государственное управление: социальные модели, принятие решений, эффективная коммуникация. М., 2003; Для чего переписывают историю (об историческом образовании в Греции) // Высшее образование в России. 2003. № 6; «Великая идея» и геополитическая ситуация на Балканах на рубеже XX–XXI веков // Полития. Лето 2003. № 2; Философско-историческая концепция Периклиса Яннопулоса (1870–1910) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2; Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. (в соавторстве с Т. В. Никитиной); Новые левые в Греции на современном этапе // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005; Национальная идея в идеологическом обеспечении военного режима в Греции (1967–1974) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1; Русско-греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII–начале XX века // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006; Пророчества о восстановлении Византийской империи в Греции XIX–начала XX века // Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М., 2006; Новогреческая модель возрождения Византии: ромейская теория // Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М., 2006; Османское прошлое и европейское будущее: проблема смены культурной парадигмы греков в период революции 1821 г. // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы международной научной конференции. 20–22 апреля 2006 г. М., 2006; Греция: исторический очерк (1453–2006) // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006; Идео-

логемы «Великая идея» и «третья греческая цивилизация» в интерпретации И. Метаксаса // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. №1; Языковые маркеры смены культурной парадигмы (на материале Греции XVIII–XIX вв.) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1; Православие и неоязычество в современной Греции // Религии мира: история и современность. 2005. М., 2007; Греческие печати на документах эпохи революции 1821 г. как исторический источник // Информационный бюллетень ГУ «Московский дом национальностей». 2007. № 8; Образовательные парадигмы у греков в Новое время: проблема выбора пути // Информационный бюллетень ГУ «Московский дом национальностей». 2007. № 8 (в соавторстве с А. Г. Зоитакисом); 50 лет на службе России: портрет российского дипломата XIX в. И. Э. Персиани // Вест. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1; Национал-консерватизм в Греции // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Ч. 2. Доклады Института Европы. № 211. М., 2008; «Рассуждения о Греции» И. Э. Персиани: новый источник по греческой истории 1830-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2008. № 5; Греция в период Восточного кризиса 1839–1841 гг. и политика петербургского кабинета // Санкт-Петербург и Греция. Прошлое и настоящее: материалы международной конференции 26–29 октября 2006 г. СПб., 2008.

SUMMARY

Blows from the West and from the East terminated the thousand-year existence of the Byzantine Empire. Without their own statehood the Greeks had to adapt to new conditions of their being. The Greek ethnic element had survived both in the Ottoman Empire and the West. The Greeks have successfully retained their faith and culture.

The Orthodox Church played an important part in this survival. The Ottoman political structure favored the Church, supported its conservation as a social institute and granted it some privileges. The Greeks kept all the branches of church administration under their thumb therefore they were in the most advantageous position among the other Christian peoples of the Ottoman Empire. For several centuries the Church remained the principal custodian of the national tradition and the written language, the main source of knowledge about the world and human life for Hellenism. In European countries, especially Venice, the Greeks could be admitted to universities. Little by little the principals of the western rationalistic Weltanschauung followed by relevant educational standards began to penetrate into the Greek society in the Ottoman Empire.

The Ottoman control over the chief trade routes in the Mediterranean as well as Greek domination in some sectors of commerce promoted the strengthening of the Greek merchant class and prosperity of the settlements with considerable Greek population. Accumulated capitals were partially invested in education and later — in armament and preparation for antitürkish revolt. The epoch of economic recovery of Hellenism concurred with the beginning of the structural crisis in the Ottoman Empire.

Being the conquered nation the Greeks were deprived of access to power, but later they managed to integrate into both Venetian and Ottoman political elites. The access to power structures gave the Greeks an important experience of political activities, which was later used in the Republic of Seven United Islands and the statecraft of the 1820–1830s.

Under the influence of the West European Enlightenment among the educated Greeks in the 18th century started a new intellectual movement resulted in creation of new discourse that contested some of traditional values. We call this discourse ethnocentric. Gaining strength gradually it became the main political discourse in the Greek independent state and was a basis for the national ideology called Megale Idea. New discourse promoted spreading of the new West European cultural paradigm that replaced the old Byzantine-Ottoman one in the Greek society.

The ethnocentric discourse played an important part in preparation for the revolution of 1821. The period of revolutionary drama was the time of actualizing the idea of the Greek independent state and discussing the forms of its being. At first there was no consensus among the Greeks on this issue: some of them imagined the future state as a West European nation-state, while the others followed the Byzantine-Ottoman tradition. The triumph of the first point of view was supported by the great powers. But the newborn state united only a quarter of the Greek population in its confines. The national ideology became the basis of its claims for the other Ottoman possessions. But the idea of Greek nation-state was not popular with the Ottoman Greeks. Hellenism began to divide into two parts. The great powers supported this process.

The sense of the Megale Idea had been already used in political programs in the 1830–1840s, before the inventing of the very term. By this time two main trends in political programming can be outlined: the way of “the organic work” (internal reforms) and of “the armed struggle” (outward expansion). Both trends can be traced in the guidelines of all of three “parties” — English, French and Russian. The combination of both trends in political credo of Colettis’ fatria that was one of the branches of the French “party” turned out the most productive. Colettis’ tactics gained much popularity because he managed to adapt his slogans to changing circumstances. Therefore Colettis’ fatria was called “the national party”, it won the 1844 elections and became the ruling party. By that time the Megale Idea had become the main base for the Greek foreign-policy doctrine valid until the Asia Minor catastrophe of the 1920s.

In the 19th century the most exciting period for both trends was the 1870–1890s, when two parties dominated in the Greek political life. The first one was of Coumoundouros — Deligianis. It represented the strata of rich landowners, financial and commercial business. The second one was the Fifth party of Tricoupis, which represented the industrial bourgeoisie, intellectuals and prosperous peasantry. In the 1870–early 1880s both parties acted mainly in Colettis’ manner: they adjusted their programs to rapidly changing circumstances. At that time the way of “the organic work” was preferable. Only the international crises of 1877–1878 and 1885–1886 provided the opportunities for realizing the way of “the armed struggle”. But from the late 1880s both parties passed on to well-defined guidelines: Tricoupis is identified with

the way of “the organic work” meanwhile Deligianis with the way of “the armed struggle”. The implementation of their programs was not effective. On the one hand Tricoupis’ economic reforms badly damaged the finances of the Kingdom of Greece and led it to bankruptcy. On the other hand the Greek–Turkish war of 1897 provoked by Deligianis and his government was shamefully lost.

But the defeat of 1897 did not inflict any damage of the Megale Idea. On the contrary its popularity increased. At the beginning of the 20th century it influenced the Struggle in Macedonia with such figures as Ion Dragoumis and Germanos Caravangelis. Later (until the 1930s) Venizelos became the main bearer of the Megale Idea. For a small period he was a partisan of “the organic work” way. Already in 1912 Greece became a participant of an armed conflict in the Balkans. For the next five years following the events on the international scene Venizelos had to concentrate on the foreign policy. In 1917 he resumed the reforms planned earlier, without missing an opportunity to get new territories. The Sevres Treaty (1920) granting Constantinople and a part of Asia Minor to the Greeks was the last success of Venizelos on the way of the actualization of the Megale Idea as a program of the outward expansion. But the liberals lost the 1920 parliamentary elections. The new government of Protopapadakis organized a military expedition (1920–1922) to protect Greek population of Asia Minor and satisfy the claims of Greece in accordance with the conditions of the Sevres Treaty. The defeat of this expedition called “the catastrophe of Asia Minor” tremendously affected all the future of Hellenism. The Greeks not only lost their presence in Asia Minor, but also had to give up the hope of further acquiring those territories. An exchange of populations’ agreement was an important term of the peace treaty with Turkey (1923). After this ethnoterritorial demarcation Greece could not more use the necessity of unyoking the co-ethnics principle as a fundamental of its foreign policy. The Megale Idea was defeated as a foreign-policy doctrine, but survived as an ideology.

Venizelos came to power again in the 1928–1932 and returned to his former policy of creation of “strong Greece” by internal reforms. In fact the authoritarian dictator Metaxas (1936–1941) continued this policy. He developed the conception of “the Third Greek Civilization” that succeeded the Ancient Greek and the Byzantine ones, aiming at creation of “strong Greece” that would be able to resist both harmful influence of western democracies and the growing claims of totalitarian regimes.

The ideology of “the Third Greek Civilization” was the first attempt of making a new type of the Megale Idea that had to correct the shortcomings of its previous versions. This trend was continued by the dictatorial regime of Colonels (1967–1974). It created and began the implementation of a conception of “Modern Great Greece”. The ideologies of two regimes had much in common. The main difference was that the Colonels used revolutionary symbols and rhetoric, which was not typical for Metaxas’ regime. One more version of this type of the Megale Idea can be found in the “Romanity theory” though it still remains out of politics.

The occupation of Greece by the Axis member-countries and the posterior civil war brought about fatal consequences: in the early 1950s the country was poverty-ridden and exhausted. The implementation of Truman Doctrine made Greece dependent on the USA. The Yalta system of international relations stabilized political boundaries in Europe. In these favourable for “the organic work” conception conditions “the armed struggle” one became active in form of the Cyprus Question. From the 1950s Greece has been fighting for Cyprus using different methods.

The second half of the 1970s was the epoch of radical changes in Greece. At that time the country finally got rid of monarchy and passed to republic. Also its political system has substantially changed. It retained only one party founded before 1974 — the Communist party. The other ones including the two giants, PASOK and New Democracy, appeared after the downfall of the Colonels’ dictatorship. The Megale Idea lost its status of the official ideology, but has not disappeared altogether. The national values became closely interwoven with the Liberal Democratic ones.

The early 1990s produced new political programs based on the Megale Idea under the influence of the changing geopolitical situation in the Balkans. The events of 1989–1991 denied the habitual for the last decades conception of stable political boundaries in Europe and inspired the outward expansion partisans with new hopes. The fall of the international socialist system placed Greece in very advantageous position: it was regarded as a bulwark of civilization in the Balkans because of its membership in NATO and the European Community.

Now we can estimate the role of the idea of nation in the Greek history when the Modern Greek state was created and made its progress. This idea became a fundamental of the national ideology and the foreign-policy doctrine. There is no unambiguous answer to the question what had appeared earlier, the national ideology or the nation-state. As we have seen, the formation of ethnocentric discourse in Greek case had started when they had no their own statehood. But we can hardly find any ethnocentric based ideology at that period. The ideology-making process was at the beginning. The revival of the Greek statehood in the

form of a nation-state became possible because of the influence of international affairs rather than of the national ideology.

The real formation of the national ideology occurred in already existing nation-state due to interaction and reciprocal influence with it. The state supported the national ideology, promoted its development and finally made it its own ideology. The national ideology in its turn substantiated the existence of the Greek state just in the form of nation-state, letting it use its governing and mobilizing potential. In the 19th century the national ideology became a basis for most of the political programs and a fundamental of the country's foreign-policy doctrine.

The Orthodox Church played an unusual part in the Greek national statecraft. Many scholars wrote about the Church's contribution to safeguard the Greek national identity during the Ottoman period. But the special status of the Church in Ottoman Empire had not only this effect. At the time of the formation of the ethnocentric discourse there appeared a tendency toward identification of religious and national identities and later the perception of the Orthodoxy as a Greek national faith.

The Orthodoxy demonstrated once again its amazing adaptability to the external environment and succeeded in finding its place within a nation-state. It did not happen at once: the church reform of Bavarian Regency threatened to deprive the state of such a powerful ally as the Church. But later the relations between the Church and the state changed for the better. Therefore the state ideology could use the mobilizing potential of the Orthodoxy, exploiting its perception as the national faith. It was successfully done in the Greek-Bulgarian church conflict, by the Greek propaganda in Macedonia, in the struggle for Athos. In all these cases we can speak about the usage of religion and church as an ethno-differentiating criterion, but we can find no evidence of the orthodox values used as ideological fundamentals.

The mobilizing potential of the Church began to weaken during the interwar period because of inventing a new type mass ideology making technique. This trend became stronger after the World War II. The Colonels' regime tried to revive the sociopolitical status of the Church and to use again the Orthodoxy as a significant component of the state ideology.

After 1974 a secular model of state guided the new state ideology. This factor and general decrease of religiousness in Europe, particularly in Greece, resulted in the decline of the sociopolitical role of the Church. It lost its significance for the state ideology. Although sometimes the societal influence of the Church is still weighty. For many Greeks indifferent to religious questions the Orthodoxy has remained a component of the national identity.

The recurrence of the national ideology in political programs at the end of the 20th century demonstrates its still powerful potential. But the question is whether it may be constructive in the modern conditions. This fear is grounded on the analysis of the previous experience as well as the current situation in the other Balkan states, where we can find the simultaneous revival of national ideologies. Utilizing the of old forms of the Megale Idea (outward expansion) by the Greeks and their neighbours inevitably causes conflicts, as it was demonstrated by the Macedonian question in the 1990s. The "civilization" forms of national ideologies are less aggressive. Although the revival of national ideology in all its forms in the 1990s is the answer to the requirements of the epoch. The growing European integration and globalization excited the fear for cultural and national identities. Trying to resist this danger intellectual and political elites of the Balkan countries appealed to national ideologies. The downfall of the Yalta system restored the danger to stability of political boundaries and provoked the application of the national ideology to defend frontiers of the Balkan states.

The Balkan mixed population as well as demarcation principles in the region conditioned the growth of this danger. In spite of all the declarations about national self-determination, the real frontiers were designated to meet political and economic interests of the great powers ignoring the real ethnic map of the region. The posterior exchanges of populations could resolve the problem of minorities only partially. As a result a nation-state in the Balkans remained an ideal model that was far from the reality. Therefore even at the end of the 20th century the Balkans still were "the powder barrel of Europe".

Now, after great catastrophes with millions of victims, it is doubtful whether the idea of nation was constructive in the Greek case. Despite all its negative effects we can say, yes, it was. The Greek state owes its very existence to the idea of nation. This idea supported the survival of the young state, its expansion, economic and cultural development. In the 19th century there were some doubts whether Greece was the main line for the Greek nation, but the 20th century dissipated them entirely. Now Greece is one of atypical countries of the Mediterranean region, where we can hardly find any separatist movement. While its neighbours are moving to disintegration with unforeseen consequences, Greece still remains a unitary state and aspires to retain its historical and cultural originality in defiance of globalization and intensification of European integration.

GREEK NATION AND STATE (18–20 c.)

STUDIES IN POLITICAL HISTORY

Contents

The Sons of Hellas (preface)	7
Introduction	11
Part I. From the Ottoman province to an independent state	19
Greeks under the Ottoman rule	20
The age of the conquest	20
Inside the new state	35
The withering of the Empire and the new flourishing of Greeks	50
Under the Venetian rule	65
Between the Lion and the Crescent	65
Inside the Republic of St.Mark	79
The Republic of Seven United Islands	95
Church, Education, Enlightenment	100
The Church after Byzantium: traditions and innovations	100
From the medieval scholarship to the Enlightenment	119
Revolution of 1821	147
On the way to revolt	147
Revolution or War of Independence?	155
Civil wars	180
The first president	193
Ex ungue leonem	203
Happy birthday!	217
Part II. The first decade of independence	223
Bavarian rule	224
The first steps: the Regency and the protoparties	224
“Russian party” and the national interests	256
The Church and politics	269
Prophecies about the future renaissance of Byzantium	294
Revolution of 1843	303
New temptations: the Eastern crisis of 1839 and party struggle	303
The “Megale idea” and the age of romanticism	323
Revolution or coup d’état?	334
The national question and constitutional reforms	350
The outcome of the first decade	367

Part III. The small Kingdom and the “Megale idea”	371
New acquisitions	372
Between the two revolutions	372
The new monarchy...	387
... And the new territories	404
At the turn of the century	423
The dreams are coming true	433
Struggles for Macedonia and Crete	433
The spirit of the age	450
The lucky star of Venizelos	469
The national question on the Mount Athos	480
At the gate of Constantinople	493
The catastrophe	505
Causes of the tragedy	516
Part IV. After the catastrophe	519
The age of dictators	520
Searching for new ways	520
“The Third Greek Civilization”	527
Following the routs of the War	542
“The Philosophers’ State”	558
Democracy in Greece	575
After the Dictatorship	575
Political programs of 1990-s	592
Among the “great ideas”	603
Greek Dream at the end of 20th century	623
The “Megale idea” in its symbols	623
Schools and History	637
The Church and the Neopaganism	643
Romanity — Romania — Romanides	655
The revival of the “Megale idea”	675
Conclusion	678
Bibliography	684
Appendices	692

Научное издание

Ольга Евгениевна Петрунина

**ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В XVIII–XX вв.
ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Монография

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректоры *Федотова А. Л., Юрьева В. И.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Луценко Н. Ю.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подп. в печать 15.09.09.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arno Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,27. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс (495) 939-40-51.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80.
www.gipp.kirov.ru; e-mail: pto@gipp.kirov.ru